

Цзи Юньлю и не подозревал, что в этот самый момент, вслед за этой клятвой, человек перед ним принял решение, способное изменить всю его жизнь.

Его розовато-лиловые глаза слегка сузились. Ему казалось, что улыбка стоящего перед ним человека сияет так ярко, что от неё слепит глаза, а палящий жар его ладони будто бы обладал силой успокаивать сердца. Но — лишь будто бы. Он не позволит обмануть себя внешней оболочкой: никто лучше него не знал, каким человеком был Юнь Цинмо. Перенесённые им тяготы, выпавшие на его долю страдания, пережитые унижения и истязания — те мелькавшие в прососонье кадры, от которых он в ужасе просыпался среди ночи, — заставляли его желать разорвать тому плоть, испить крови, переломать кости и содрать кожу. И хотя в прошлой жизни он уже всё это проделал, всё равно было мало.

Он не понимал, почему человек перед ним до сих пор не умер. Он подкараулил его и напал исподтишка, и тогда в том явно не оставалось нити жизни, но тот неожиданно ожил да ещё и нёс какую-то несуразицу. И пусть он не понимал, какую игру затеял этот человек, ну и что с того? Он уже давно не был тем наивным, ничего не ведающим ребёнком. Рано или поздно тот всё равно умрёт от его руки, и он верил: для него, обладающего воспоминаниями о прошлой жизни, этот день настанет нескоро.

В больших лучистых глазах Цзи Юньлю промелькнуло пугливое выражение, и он с робкой надеждой и тревогой спросил:

— Правда? Учитель... Учитель будет хорошо ко мне относиться и больше не станет меня бить?

Спрятав таившуюся на дне глаз ненависть, он решил: что бы там ни затевал Юнь Цинмо, до тех пор, пока у него не появится достаточная сила, он не против немного подыграть.

Чжоу Чжоу, видя испуганный вид малец-редиски и заметив покрывавшие его обнажённую кожу сине-фиолетовые следы от кнута, сразу понял, что тот наверняка до смерти запуган побоями Юнь Цинмо. Будучи типичным домашним затворником, он по природе своей обладал простым складом ума и совершенно не умел читать по лицам, а вдобавок к этому актёрский талант Цзи-босса заслуживал уровня кинопремии — разве мог он разглядеть за маской кроткого белого кролика истинную сущность матёрого волка, которую прятал Цзи-босс?

Опасаясь, что у малец-редиски останется психологическая травма, Чжоу Чжоу мягко произмолвил:

— Конечно. Учитель больше никогда не ударит Юнь-эр. Раньше Учитель был неправ, Учитель приносит Юнь-эр свои извинения. Сможет ли Юнь-эр простить Учителя?

Малец-редиска казался слегка нерешительным:

— Т-тогда... Учитель ведь больше не будет делать Юнь-эр плохого?

— Плохого? — Чжоу Чжоу на мгновение остолбенел, а затем, вспомнив прописанный им самим характер этого Юнь Цинмо, в сотый раз мысленно отвесил себе затрещину. В левой половине груди тупо и неприятно заныло, и он торопливо пообещал: — Не будет, не будет. Учитель

клянётся. Юнь-эр должен верить Учителю: видишь, Учителю ведь нет смысла обманывать Юнь-эр, верно?

Малец-редиска наконец сдержанно обрадовался:

— Угу, тогда я прощаю Учителя.

В глубине души Цзи-босс злобно подумал: «Прощаешь? Хэ, когда ты сдохнешь, я, конечно, тебя прощу».

Чжоу Чжоу же не ведал о мрачных мыслях Цзи-босса. Почувствовав лишь, что малец-редиска согласился его принять, он ощутил, как огромный камень свалился с сердца. На душе у него стало слаще, чем от сотни медовых фиников. Выражая переполнявшие его бурные эмоции, Чжоу Чжоу совершил несколько резкое движение: он крепко сгреб малец-редиску в охапку и шустро чмокнул его в нежную белую щечку.

Цзи-босс даже не успел оказать сопротивление, как подвергся легкому оскорблению. Опомнившись, он вспыхнул лютой яростью и свирепым взглядом уставился на всё еще самодовольного Чжоу Чжоу. И правда, горбатого могила исправит: только что дал обещание — и тут же принялся за старое! В душе он отругал себя за то, что возложил на Юнь Цинмо слишком большие надежды: прекрасно зная истинную природу этой сволочи, он умудрился хоть на капельку поверить, что тот исправится и встанет на путь истинный.

Чжоу Чжоу не знал, что его радость обернулась горем, и едва он поднял уровень благосклонности Цзи на несколько процентов, как всё покатилося по новой, а шкала ненависти, напротив, взлетела на добрых несколько делений вверх. Если бы не существовало ограничения на максимальный процент, цифра эта определенно взметнулась бы до небес.

Чжоу Чжоу снова угодил под проклятие «обожаю пухлых и милых созданий» и всё ещё пребывал в головокружительном оцепенении: «Малец-редиска такой мягкий, такой прелестный, такой умильный, совсем не хочется его отпускать».

Однако заключенный в объятия Цзи-босс вовсе не собирался позволять кое-кому и дальше над собой измываться и слегка заворачался:

— Учитель, вы делаете мне больно.

В этом кротком взгляде таился тихий упрёк в грубости кое-кого.

Чжоу Чжоу резко опомнился и поспешно извинился:

— Ах, Юнь-эр, прости! Учитель забыл, что у тебя всё тело в ранах. Сделал больно, да? Учитель не со зла, Учитель сейчас же отнесёт Юнь-эр смазать раны.

Малец-редиска послушно произнёс:

— Учитель, всё в порядке, я и сам могу обработать раны.

— Да как же так можно? На тебе живого места нет, на спине наверняка тоже. Умница, дай Учитель смажет тебе раны.

С этими словами он подхватил малец-редиску на руки и зашагал в бамбуковый домик.

В глазах Цзи-босса в облике малец-редиски промелькнула паника — столь близкий контакт заставил его растеряться. Но тут же её вытеснило другое, кровожадное чувство: вот оно, тёплое, бьющееся сердце этого человека, совсем рядом — казалось, стоит приложить чуть больше силы, и его можно проткнуть и раздавить.

Его розовато-лиловые глаза из светлых превратились в глубокие. В тот самый миг, когда он уже собрался нанести удар, Чжоу Чжоу опустил его на пол. Цзи-босс покрылся холодным потом, испытывая жуткий страх: к счастью, он не сделал этого! С его культивацией всего лишь на первом уровне Ци даже атака в полную силу не оставила бы ни царапинки на Юнь Цинмо, чья база культивации достигала поздней стадии Заложения Основы. Вчерашний успех был лишь вопросом банального везения, а сделай он это сегодня — результатом стало бы лишь то, что разъяренный Юнь Цинмо жестоко истязал бы его или вовсе лишил жизни. Успокоившись, Цзи-босс дал себе зарок: пока у него нет достаточной силы, ни единой капли жажды убийства нельзя выказывать перед лицом Юнь Цинмо.

Видя, что малец-редиска молчит, Чжоу Чжоу решил, что тот просто замкнут и не любит говорить. По сюжету романа Цзи Юньлю изначально задумывался как молчаливый и кровожадный персонаж. Нынешний малец-редиска ещё не дорос до кровожадности, но вот молчаливость была у него в крови.

Чжоу Чжоу невольно подумал, что до изменения характера малец-редиски предстоит долгий и трудный путь. Впрочем, он был полон уверенности: используя преимущество знания сюжета, он поможет малец-редиске избежать тех горьких испытаний, и тогда тот непременно вырастет жизнерадостным и открытым. От этой мысли шкала маны и здоровья мгновенно заполнилась до предела, а боевой дух взлетел до небес.

— Посиди пока здесь, Юнь-эр, а Учитель пойдёт поищет целебную мазь, — ободряюще улыбнувшись малец-редиске, Чжоу Чжоу развернулся и отправился на поиски лекарства.

Хотя он и поклялся с уверенным видом смазать малец-редиске раны, Чжоу Чжоу понятия не имел, куда Юнь Цинмо прятал целебные мази. Бесцельно шаря по шкафам и перебирая их один за другим, он невольно бормотал под нос:

— Ну где же оно в конце концов? Босс Цзи со сложным взглядом смотрел на Чжоу Чжоу, который с таким воодушевлением занимался поисками сокровищ. Ему казалось, что Юнь Цинмо перед ним неувовимо изменился, но в чём именно заключались эти перемены, он понять не мог — от всего этого веяло какой-то странностью. Если бы не то самое лицо, которое он ненавидел до глубины души, босс Цзи непременно подумал бы, что перед ним кто-то другой.

Пока босс Цзи погрузился в раздумья, автор-дурачок, бормотавший что-то себе под нос, уже вовсю радовался тому, что наконец-то отыскал скрытый предмет. Если вы спросите, с чего это он решил, что нашёл именно целебную мазь от шрамов, то ответ предельно прост: на флаконе красовались пять недвусмысленных иероглифов: Цзиньюй Цинлу Гао.

Будь то произведение в жанре сянься, главному герою никак не обойтись без мелких травм — иначе как еще вызвать жалость у милых барышень, подчеркнуть жестокость злодея и заставить читателей переживать за судьбу персонажа? Поскольку протагонист обладал мощным золотым пальцем и был озарен сиянием главного героя, даже для лечения пустяковых ран ему требовалось самое лучшее снаряжение. Эта самая мазь Цзиньюй Цинлу Гао как раз использовалась главным героем для заживления внешних повреждений после одного из сражений. В тексте романа описывалось: хоть мазь и не способна вернуть к жизни мертвеца, но она в силах затянуть плоть и вырастить кости, разогнать кровь и регенерировать ткани, не оставляя никаких шрамов. Поистине, это было божественное средство от любых ран, за которое невозможно было назначить цену, ибо найти его в продаже не представлялось возможным.

Даже главному герою довелось испытать на себе благотворное действие этой драгоценной мази лишь потому, что у него имелась возлюбленная из Долины Божественного Врачевателя. Кто бы мог подумать, что у Юнь Цинмо обнаружится целый флакон! Это невольно заставило Чжоу Чжоу встревожиться: он совершенно не помнил, чтобы прописывал в сюжете подобные детали. Очевидно, мир книги обладал способностью к саморазвитию, вот только оставалось загадкой, пойдут ли эти стихийные изменения ему на пользу.

Да и ладно, в конце концов, это всего лишь незначительные мелочи. Главное — держать под контролем генеральную линию сюжета, тогда и серьезных проблем не возникнет. К тому же найденная мазь Цзиньюй Цинлу Гао и впрямь оказалась приятным сюрпризом. Перестав ломать над этим голову, Чжоу Чжоу с флаконом в руке подошел к кровати.

Стоило боссу Цзи заметить его возвращение, как он тут же спрятал в глубине глаз неестественное для его возраста зловещее выражение, сменив его на детскую, чистую и невинную улыбку. Чжоу Чжоу мягко улыбнулся ему:

— Юнь-эр, давай-каними одежду, учитель мастер поможет тебе нанести мазь.

Босс Цзи слегка опустил голову, скрывая бушующее в глазах намерение убить. Однако, твердо решив пока терпеть, он все же медленно развязал тесемки одежды. Тягостные картины прошлой жизни вновь встали перед глазами, и его тело невольно задрожало. Он и представить не мог, что испытывает столь животный страх перед стоящим рядом человеком. Даже убив его однажды, он всё еще не мог преодолеть ужас, вросший в самую его кость. То самое ощущение беспомощности, когда сколько ни сопротивляйся и ни борись, а из хищных лап не вырваться, затянуло его в пучину воспоминаний почти до удушья.

Чжоу Чжоу, ожидавший, пока малец разденется, чтобы смазать раны, наконец почувал неладное. С чего это вдруг паренёк дрожит? Черт, да не показалось ему — малец и впрямь трясся от дрожи! Чжоу Чжоу мгновенно запаниковал и растерялся. Поразмыслив секунду, он одной рукой обнял дрожащее тело мальчонки, а другой успокаивающе похлопал его по спине:

— Не бойся, не бойся, Юнь-эр не боится. Больше никто не сможет причинить Юнь-эру вред. Юнь-эр умница, больше не бойся...

Чжоу Чжоу неловко прижимал к себе испуганного ребенка. Будучи типичным затворником, который редко с кем общается, он вовсе не обладал столь сложным навыком, как утешение детей, поэтому лишь раз за разом повторял:

— Хороший мальчик, Юнь-эр не боится... Маленькая макушка Цзи-босса прижалась к груди Чжоу Чжоу. Крошечная детская копия демона чувствовала, как тепло, исходившее от этого тела, обладало какой-то магической силой, заставляя его невольно доверять и полагаться на него. И это при том, что перед ним был человек, чью плоть он жаждал сожрать, чью кровь — испить, чьи кости — сокрушить, а кожу — содрать. В этот же миг он почему-то почувствовал беспричинное умиротворение. Какая ирония! Неужели оттого, что тело уменьшилось, сердце тоже стало хрупким? Нет, он — Цзи Юнью, владыка секты Демонов Цзи Юнью, а такая бесполезная эмоция, как хрупкость, никогда ему не была и не будет свойственна. В этот момент он вновь превратился в того самого хладнокровного и бездушного владыку секты Демонов.

Успокоив эмоции, Цзи-босс высвободился из объятий Чжоу Чжоу и равнодушно произвел:

— Учитель, со мной всё в порядке, наложите мне мазь.

Чжоу Чжоу на мгновение замер, но тут же снисходительно улыбнулся, не придавая этому особого значения и решив, что у ребенка просто тонкая кожа, и мягко ответил:

— Хорошо.

Когда кроха полностью скинул одежду, Чжоу Чжоу остолбенел. Что это была за спина! Нежная кожа перекрещивалась от ударов хлыста, мясо было превращено в кровавое месиво, и вся спина казалась совершенно изуродованной. Хотя он и знал, что на теле малыша наверняка есть раны, он никак не ожидал, что всё окажется настолько серьезно. В этот момент он был готов отдать всё за то, чтобы эти шрамы оказались на его собственном теле. Если бы не он, если бы не он...

Заметив, что Чжоу Чжоу долго не реагирует, Цзи-босс не удержался и спросил:

— Учитель?

Чжоу Чжоу пришел в себя, его голос звучал хрипловато, словно он давал клятву:

— Юнь-эр, в будущем я буду защищать тебя и больше никому не позволю причинить тебе вреда.

Даже мне самому. Хорошо, что еще не поздно, правда?

Цзи-босс слегка замер. Ему показалось, что в голосе этого человека таились неведомые ему

эмоции, от которых в душе воцарился беспорядок.

Однако Чжоу Чжоу уже взял себя в руки и откупорил крышку баночки с нефритово-золотой росой. В воздухе тут же повеяло легким тонким ароматом. Цзи-босс опешил: опираясь на опыт прошлой жизни, он сразу узнал этот запах. Вот только он никак не мог взять в толк, какая муха укусила Юнь Цинмо, раз тот решил потратить столь драгоценное лекарство на лечение каких-то мелких следов от плети на его теле.

Мягкие и длинные пальцы Чжоу Чжоу легко коснулись жутких ран, двигаясь так бережно и нежно, словно он реставрировал бесценное произведение искусства.

Ожидаемая боль так и не пришла, сменившись прохладным и мягким ощущением. Цзи Юньлю чувствовал, как та рука на его спине нежно гладит каждый сантиметр его шрамов, и в каждом движении читались трепетная забота и бережное отношение хозяина.

Он невольно скосил глаза и как раз увидел человека с черными волосами, в белых одеждах, с чистым и утонченным лицом. Тот с предельной сосредоточенностью вытянул один палец и легонько водил им по его коже. Эта картина — столь осторожная и проникнутая глубокой заботой — внезапно поразила его прямо в сердце. Его лилово-глазные зрачки слегка потемнели, в них промелькнул странный блеск, а в мыслях зародилась невероятная догадка: раз он смог переродиться, то...

То кем же будет этот человек? Знаком ли он с ним? И почему он так хорошо к нему относится?

Сам того не ожидая, он вдруг почувствовал легкое предвкушение. Предвкушение ощутить то самое первое за обе жизни тепло, надежду на то, что в этом теле перед ним таится совсем другая, неведомая душа.

<http://bllate.org/book/22479/2368313>